

ОТЗЫВ
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Амелиной Анны Вячеславовны
на тему: «Антиутопия в чешской литературе первой трети XX в.
(И. Гауссманн, Я. Вайсс, М. Майерова)»
по специальности 5.9.2 Литературы народов мира

Диссертация Амелиной Анны Вячеславовны раскрывает один из значительных литературных и культурных феноменов XX века — феномен антиутопии, при исследовании которого проблемы жанровой теории совмещены с широким спектром философско-идеологических вопросов. На материале чешской литературы первой трети XX в. автор диссертации рассматривает феномен антиутопии не только в историко-литературном, но и в социокультурном контексте.

Актуальность работы заключается, с одной стороны, в попытке найти собственное теоретическое обоснование проблемы антиутопии, представленной в чешской литературе указанного периода как жанрово неоднородное и даже противоречивое явление, находящееся во взаимосвязи с мировым антиутопическим каноном, выраженным в творчестве Замятиня и Оруэлла. Понимая сложность стоящего перед ней исследовательского «вызыва» и изучив целый пласт историко-литературных и культурологических исследований, посвященных антиутопии, автор обращается к трудам по социальной философии, в которых разрабатывается теория утопии, и определяет основополагающие признаки антиутопии, применяя оппозицию «утопия – антиутопия» при анализе конкретных художественных текстов, и тем самым предлагая научно аргументированный подход к историко-типологическому изучению жанра антиутопии, что, в свою очередь, определяет **научную новизну и теоретическую значимость** диссертационного исследования.

С другой стороны, на материале творчества избранных авторов, крупных чешских писателей XX в. Иржи Гауссманна, Яна Вайssa и Марии Майеровой автор изучает чешскую антиутопию первой трети XX в. как весьма оригинальное явление, специфика которого определена культурно-историческим развитием этой центральноевропейской страны. Но если массовому читателю чешские традиции антиутопии известны благодаря творчеству Карела Чапека, а для специалиста более широкий контекст становится понятным при посредничестве обзорных работ Я. Махека и Д. Годровой, то аналитическая работа Анны Вячеславовны Амелиной демонстрирует еще более широкие горизонты чешской антиутопии как в количественном отношении, так и с точки зрения той роли, которую играли произведения жанра антиутопии в массовой и элитарной литературе. Но, как нам представляется, главная заслуга исследовательницы состоит в определении национальной специфики чешской антиутопии при основательном изучении ее генезиса.

С достаточной корректностью сформулированы цель и задачи работы, теоретическая и практическая значимость. Основные положения диссертационного исследования в полной мере изложены в 8 публикациях, из которых 5 – в российских рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова, и получили достаточную апробацию на международных и всероссийских конференциях.

Структура работы представляется ясной и самодостаточной: диссертация состоит из введения, заключения, библиографии, насчитывающей 300 позиций, а также четырех глав.

Введение посвящено раскрытию динамики формирования антиутопической литературы в чешском литературном и культурном процессе. Даётся обзор научной литературы по теме.

Глава 1 «Утопия, антиутопия и жанр: теоретический аспект» посвящена теоретическому обоснованию темы. Концептуально значимо

следующее суждение: «...утопия — явление, требующее междисциплинарного подхода, связующим звеном при этом... призвана выступать философия, способная выделить универсальную структурную модель этого сложного явления...» (с. 24). В соответствии с этим глава имеет четкую логическую структуру: в первом параграфе «феномен (анти)утопии» рассматривается как объект междисциплинарного изучения в рамках гуманитарных наук, во втором параграфе делается акцент на философском осмыслинии данного феномена, а в третьем изучаются литературоведческие аспекты жанра утопии и антиутопии. Принципиальным является то, что в конце первой главы приводится перечень из девяти основополагающих признаков антиутопического жанра (с. 57-58), которые образуют, в терминологии автора диссертации, «условный инвариант» жанра антиутопии. Этот перечень признаков является рабочим алгоритмом, позволяющим выявлять наличие или, наоборот, отсутствие соответствующих жанровых элементов в конкретных текстах трех анализируемых авторов.

Глава 2 «Антиутопия в творчестве Иржи Гауссманна состоит из четырех параграфов. В первом параграфе приводятся необходимые сведения о биографии писателя, о его взглядах, а также о рецепции его творчества в критике. Во втором анализируются антиутопические мотивы в поэзии Гауссмана, в третьем — жанровая специфика рассказов-антиутопий писателя. Параграф четвертый представляет собой анализ антиутопического романа «Фабричное производство добродетели». Автор диссертации делает вывод о том, что в романе Гауссмана присутствие основополагающих жанровых признаков антиутопии является более регулярным, чем в малой прозе и стихах. По словам автора, антиутопия Гауссмана «закономерно стала доминантой его художественного творчества в силу исключительно сатирической природы и политической тематики его произведений» (с. 108-109).

Аналогичным является построение **3 главы** диссертационной работы под названием **«Антиутопия в творчестве Яна Вайсса»**. Однако в главе,

посвященной Вайссу, после первого дескриптивного параграфа о биографии изучаемого писателя и рецепции его произведений, анализ текстов, сосредоточенный во втором и третьем параграфах, построен не по принципу жанровой систематизации, а по периодизационному принципу: акцентируются два периода творческой деятельности Вайсса - 20-е и 30-е гг. XX в. Анализируется драматургия Вайсса, малая проза и романы «Дом в тысячу этажей», «Молчание – золото», «Спящий в зодиаке». «Через весь творческий путь Вайсс пронес свою «борьбу» с утопией» (с. 122), – отмечает исследовательница. Не менее принципиален уточняющий вывод: «...вставая на позицию объективности, (Вайсс) становится критиком и утопичности, и антиутопичности как крайних односторонних взглядов на сложную действительность» (с. 153).

Следуя избранному порядку, в **4 главе «Антиутопия в творчестве Марии Майеровой»** автор диссертации рассматривает творчество писательницы под биографическим и рецептивным углом зрения (параграф первый), раскрывает роль жанра утопии в ее творчестве (параграф второй), анализирует два «антиутопических» романа «Площадь Республики» и «Плотина» (параграф третий и четвертый). Вполне резонно указывается на отличие творчества Майеровой от произведений Гауссмана и Вайсса, для которых органична критика утопического проекта, тогда как «Майерова, наоборот, пронесла через свою жизнь идею лучшего из миров» (с. 169). Противоположным является полюс антиутопического сознания в творчестве Майеровой. Однако, говоря об антиутопизме романа «Площадь Республики», автор делает оговорку, что в романе отсутствуют признаки, характерные для поэтики антиутопии. Здесь имеет место скорее реалистическая картина современной писательнице Франции, чем условная модель антицивилизации будущего. По мысли исследовательницы, роман «Плотина» представляет собой более последовательную, чем «Площадь Республики», реализацию антиутопических принципов, хотя антиутопический сюжет в этом «прогностическом» романе, как ни парадоксально, имеет оптимистическую

развязку: изображено дошедшее до фиаско капиталистическое общество, на смену которому грядет утопический проект социалистической цивилизации будущего. Таким образом, роман представляет собой «плавное перетекание антиутопии к утопии» (с. 208).

В **заключении** делаются основные выводы сравнительного характера по содержанию основной части и определяются перспективы дальнейшего исследования.

Сформулированные в основной части и в **заключении** **выводы** не вызывают принципиальных возражений, их обоснованность обусловлена внутренне не противоречивой последовательностью изложения материала, а достоверность подтверждается опорой на фундаментальные теоретические труды по утопии и антиутопии. Вполне обоснованным представляется определение перспектив исследования, связанных с созданием целостной истории развития чешской литературной антиутопии, а также с конкретизацией и углублением представления о национальной специфике чешской литературы на материале максимального количества текстов.

Вместе с тем к автору работы возникает ряд **вопросов и замечаний**, имеющих дискуссионный характер и не могущих повлиять на общую благоприятную оценку диссертационного исследования:

1. На наш взгляд, диссидентанту следовало бы аккуратнее подойти к проблеме разграничения объекта и предмета. Согласно авторской формулировке, предметом является «антиутопия и формы ее проявления» (с. 15) в произведениях трех авторов, а объектом – корпус произведений, в которых проявляются те или иные признаки антиутопического сознания. Т.е., согласно автору работы, разница между предметом и объектом определяется количеством рассмотренных текстов, а также степенью приоритетности рассмотрения тех или иных авторов в контексте антиутопического мышления. Такое разграничение предмета и объекта представляется не вполне четким и недостаточно мотивированным.

2. Нуждается в пояснении, что означает «структурно-конструктивистский метод» (с. 17), заявленный в характеристики методологического аппарата исследования. Кроме того, в заключении говорится о «синтетическом подходе, сочетающем методы социальной философии и литературоведения» (с. 213). На наш взгляд, более корректным здесь было бы говорить о «комплексном подходе».
3. Нуждается в пояснении термин «факторность», последовательно используемый в работе (с. 91, 104, 147 и т.д.).
4. К специфическим признакам чешской антиутопии автор работы относит отсутствие явного конфликта между индивидом и социумом, а также, как ни удивительно, оптимистическую настроенность чешских авторов-антиутопистов. Это нуждается в более глубоком выяснении причин подобного явления. Например, автор поясняет, что творчество Я. Вайсса, у которого данный конфликт все же имеет место, является исключением на фоне традиций чешской антиутопии, объяснение чему найдено в религиозных взглядах писателя. Возможно, исследователю стоило подумать о более развернутой мотивации «отклонения» Вайсса от национальной модели чешской антиутопии. Также желательно более подробно обосновать причины оптимизма чешских антиутопий.
5. В связи с общеевропейскими контекстами антиутопии заслуживает внимания популярная пессимистическая теория Освальда Шпенглера, выраженная им в книге «Закат Европы» (1918). Например, в соседней Чехии Польше с рецепцией этого труда было связано антиутопическое начало в творчестве такого автора как Станислав Игнаций Виткевич. Можно ли провести связь между антиутопизмом как типом философского сознания и шпенглеризмом как «прогностической» философской теорией, предвещающей «закат» европейской цивилизации? Например, у Марии Майеровой, в романе которой «Плотины» говорится о «закате» буржуазной западноевропейской цивилизации и о приходящей, как «свет с Востока», новой социалистической советской цивилизации будущего?

6. О связи чешских писателей-антиутопистов с Достоевским исследовательница кратко, но весьма интересно пишет на отдельных страницах работы (с. 57, 116). Представляет не меньший интерес, существует ли связь между антиутопизмом чешских писателей и абсурдистской прозой Кафки, относящейся к тому же историческому периоду? В частности, есть ли рецепция в чешской критике рассказа Кафки «В исправительной колонии» (1919), имеющем четко очерченный антиутопический хронотоп.
7. На наш взгляд, последовательно рассматривая антиутопическое творчество трех авторов, докторант недостаточно внимания уделяет сравнительно-сопоставительному аспекту их изучения.

Следует подчеркнуть, что указанные замечания не умаляют теоретической и практической значимости докторандского исследования, достоверности и убедительности полученных выводов, а вопросы к автору работы указывают не на недостатки, а на широкие перспективы при изучении темы. На наш взгляд, работа может стать стимулом к исследованию антиутопии в других национальных литературах, в том числе родственных славянских.

Автореферат докторандской работы полностью отвечает содержанию ее основного текста.

Резюмируя, мы можем утверждать, что докторандская диссертация Амелины Анны Вячеславовны является важным этапом в исследовании жанровой и идеино-художественной природы чешской антиутопии. Работа вносит определенный вклад в выработку методических принципов исследования жанровой модели антиутопии в ее универсальном и партикулярном инварианте.

Докторандская диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного типа. Содержание докторандской диссертации соответствует специальности 5.9.2 Литературы народов мира (по филологическим наукам), а также критериям, определенным п.п. 2.1—2.5 Положения о присуждении ученых степеней в

МГУ им. М.В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Исходя из сказанного, полагаю, что соискатель Амелина Анна Вячеславовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2 Литературы народов мира.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

профессор Высшей школы коммуникаций

и креативных индустрий

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»

Мальцев Леонид Алексеевич

23.11.2025.

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Польши)

Адрес места работы:

236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»

Высшая школа коммуникаций и креативных индустрий

Тел.: 8(4012)595595, доб. 9580; e-mail: LMaltsev@kantiana.ru